

Записки паломника. "Континент" 119, 2004

Александр Зорин

28.05.2004

Площадь перед собором св. Петра вмещает триста тысяч человек. Но сегодня, используя вместимость прилегающих улиц, здесь будет более четырехсот. Половина из них юноши и девушки.

Канонизация Хосемария Эскривы собрала в Рим паломников со

всего мира. Волонтеры, их 1800 человек, тоже в основном молодежь и не только итальянцы. Они приехали заранее, за две недели, для специальной подготовки. И сейчас, в разливах и водоворотах уличной толпы, держатся как настоящие лоцманы. Их ключевые пункты — в аэропорте, на городских улицах, на соборной площади.

По мере приближения к собору смыкаются теснее цепи неприступно-вежливых карабинеров. Инвалидные коляски пропускаются вперед. В бесконечном количестве они группируются у колоннады, поближе к алтарю. В одной коляске — священник.

Тринадцать лет тому назад он попал в автомобильную катастрофу и оказался парализованным навсегда. Травма не помешала ему оставаться

действующим пастырем, помогать другим, служить мессу каждый день...

Солнце уже осветило купол собора, портрет Хосемарии Эскривы, крест на игле обелиска; но на площади еще зябко и свежо, как в горной долине, которая медленно заполняются паломниками.

На крыше правого и левого крыла колоннады, как мне показалось, множество кустистых растений. Они в центре Рима не редкость. Внизу ни травинки — сплошной асфальт и булыжник, а на крышах заросли в больших ящиках и горшках. Но приглядевшись, я понял, что это не растения, а репортеры со своей ветвистой аппаратурой.

Сзади меня две пожилые женщины, по виду домохозяйки. Кто-то им, наверное, сказал, что

мы русские. Сверкая глазами и жестикулируя они говорят: “Nosotras rezamos para la difusion de los libros de Josemaria Escriva en Rusia. Somos de Sevilla”. (Мы молимся о распространении книг Хосемарии в России. Мы из Севильи).

А прямо передо мной глыба спины — негр из Нигерии. Я его спрашиваю: “Много вас”? “Восемьсот человек”, — и показывает черным пальцем: “Вон наши!”

Но спина его не помеха. Огромные экраны в нескольких местах площади будут доносить до каждого присутствующего всё, что здесь происходит.

Белый мрамор перед вынесенным алтарем убран цветами в виде широкой и пестрой пальмовой ветви. Мириады цветов —

подарок цветочницы из
Латинской Америки.

Народ прибывает, солнышко поднимается, вот засияла справа над колоннадой икона Божьей Матери. Она появилась на этом месте сравнительно недавно, при понтификате последнего Папы. Однажды ему было замечено, что на площади святого Петра нет изображения Богоматери. “Да, действительно, — согласился он, — это надо исправить”.

Златоволосая мулаточка с красным крестом на груди. Сектор № 4, а точнее, часть сектора — под ее наблюдением. Волонтеры, работающие на площади, обходятся без мегафонов и радиосвязи. Громким голосом она объявляет, что она врач и что при малейшей надобности обращаться следует к ней. Она может оказать только первую помощь, дать

конфетку от всех недугов. При слове “конфетка” пожилая публика, оценив юмор, возликовала и захлопала в ладоши.

День обещает быть знойным, однако зонтиков от солнца нет ни у кого. Шляпки, береты, а когда совсем станет припекать, замелькают шарфики и сложенные планшеткой карты Рима. Мы не запаслись ничем и, как обнаружилось вечером, левая сторона у каждого, — щека, шея, — изрядно поджаренная, контрастно отличается от правой.

Удалили колокола. Мягкий мелодический звон.

Вдруг вся площадь взволновалась, поднялась с мест, многие встают на стулья: на боковой дорожке появился белый лимузин. В нем Папа — сгорбленный, сосредоточенный. Поднимает

голову, его рука дрожит,
посылающая благословение.

Лимузин въезжает на подиум. К алтарю Папа идет без посторонней помощи, припадая на посох (...)

Вчера вечером перед папскими покоями собралась молодежь, море скандирующих голосов: “Виват, Папа!”, “Папа, весь мир любит тебя!”

Так ли уж и весь?.. Давний выстрел в него позволяет в этом усомниться. Я хорошо помню тот майский день. Мы, группа православных мирян, собрались на молитву в одной из московских квартир. Звонок по телефону принес нам эту страшную весть. Я был уверен, что это рука Москвы и стреляли из Кремля...

Карательным органом тогда руководил Андропов. Позже он встал у власти, точнее лег, ибо

был смертельно болен. Хорошо, если я ошибся. Потому что в продлении его жизни молитвенно участвовали верующие люди и даже католики...

В чистейшем, “что твой Буонарроти”, небе кружит вертолет. Робкий пневматический стрекот. Снижаясь над площадью, он то вынырнет из-за купола, то скроется за крышами Ватикана. Каково его назначение: корректировать телесъемку или следить за безопасностью?

На экранах возникает площадь, видимая с его высоты. Масса голов — да простится мне это сравнение, — словно паюсная икра. Я обернулся — у каждой икринки осмысленный участвующий взгляд.

А над Папой, над кровлей, затеняющей алтарь, на фронтоне Собора парит портрет Хосемарии

Эскривы. Простое лицо в очках — лик! — на голубом фоне, точно таком же, сияющем, как небо Микеланджело Буонарроти.

Он родился в 1902 году в Барбастро, старинном испанском городе, расположенном в предгорье Пиренеев. В многодетной семье коммерсанта. В двухлетнем возрасте он серьезно заболел, и мать, в молитвах к Богородице, обещала, если он выздоровеет, посвятить сына Ей, отдать под Ее покровительство. Сын выздоровел, и никогда не забывал о своем чудесном выздоровлении; ежедневную свою молитву он начинал словами: “Мария, Матерь моя, всецело посвящаю себя Тебе...”.

Хосемария рос озорным, веселым ребенком, играл с мальчишками в уличные игры, в том числе в

“сыщики — воры”. Иной раз пробирался тайно на кухню, чтобы стянуть какое-нибудь лакомство. Его детство, его беспокойный характер еще раз подтверждают, что святыми не рождаются.

Призвание свое он почувствовал в 16 лет, когда однажды на снегу увидел следы босых ног монаха-кармелита, который в это утро прошел по улице. След запал глубоко в душу, он понял, что это Божий призыв. С тех пор он стал регулярно бывать в храме, исповедоваться и всё более и более укрепляться в желании стать священником. Отец, узнав об этом, был потрясен: ведь Хосемария — единственный сын, преемник его дела. “Священник должен быть святым”, — сказал он, и эти слова определили священнический путь Хосемарии.

Но тогда, приняв сан, он не понимал, чего хочет от него Господь. Сначала в деревне, потом в бедных кварталах Мадрида он честно выполнял свой пастырский долг. Без исповеди и причастия не умер ни один несчастный из его паствы.

Каждому он посвящал столько времени, сколько нужно для осознания этого таинства. А таких только за один 1927 год было более 4000.

И вот, 2 октября 1928 года, в праздник ангелов-хранителей, когда звонили колокола на соседней церкви, он, погруженный в молитву, вдруг увидел дело своей жизни, Opus Dei (Дело Божье), понял, к чему призывает его Господь. К освящению повседневного труда и семейной жизни. “Что я имел в ту пору? Двадцать шесть лет, Божие благословение и здоровое чувство

юмора — вот и все. Если бы я знал тогда, что мне предстоит, я бы умер”.

Так возникла организация, которая в будущем охватила десятки тысяч христиан разных национальностей.

Основатель Opus Dei получил духовное образование, но был широко начитан, знал театр, музыку, классическую литературу. По его мнению человечество пожирают не только физические недуги. Самые страшные болезни — невежество и равнодушие.

Он вел специальный курс Христианского образования для студентов-медиков.

В то время, когда авангард современного искусства (Дали, Сикейрос, Пикассо, Лорка, Элюар и другие) бредил коммунистическими идеями,

Эскрива писал и повторял в больших аудиториях, что коммунизм “серьезнейшее заблуждение”.

В гражданскую войну, не прекращая своей миротворческой миссии, он оказывался не раз на краю гибели. За ним буквально охотились.

Много нападок и притеснений испытал он и в мирное время. Но его учение о роли мирян (апостолат мирян) нашло наконец официальное признание на II Ватиканском Соборе (1962 г.). То, что Эскрива проповедовал с 1928 года, стало официальным мнением Церкви.

Умер он в 1975 году, оставив десятки написанных книг (более 13 000 страниц). Экспертная комиссия отметила: “Эскрива обладает силой классических

авторов и гениальностью отцов Церкви".

Месса началась.

В самом начале, перед Литургией Слова кардинал, глава конгрегации по делам Святых, обратился к Папе с прошением о канонизации Эскривы. И Папа огласил формулу превозношения святым.

Двадцатилетний путь к признанию святости Эскривы завершен. Это не такое уж большое время в сравнении с теми, кто ожидал своего часа сотни лет. Жизнь его была безупречна до очевидности, и многие люди еще помнят это. Однако комиссия собрала тысячи документов, подтверждающих чистоту его жизни. А также чудеса, имевшие место после его смерти. Впрочем для комиссии достаточно одного чуда,

являющего силу святости в земном измерении. Врач рентгенолог обратился в больницу с подозрением на рак кожи. Диагноз подтвердился, и он как специалист понял, что положение безнадежное. Кто-то из друзей посоветовал ему молиться об исцелении блаженному Хосемарии Эскриве. Через несколько дней он поехал на медицинскую конференцию в Вену. И там в нескольких храмах он увидел открытку с изображением блаженного и вновь стал молиться ему, стал просить Эскриву о помощи, просить его молитв перед Богом. Через неделю рак кожи исчез.

Мессу на латинском языке знают не все католики. Кой у кого в руках текст. Папа произносит евхаристический канон, начинается самая важная часть литургии. На площади, где в

молитвенном таинстве
соединились сотни тысяч
христиан, тихо, как в комнате.

Вычерчивая плавную
кардиограмму тишины, пролетает
бабочка.

Голос Папы, голос органа, голос
общей молитвы. Причастие...

Две тысячи священников тремя
сквозными потоками вливаются в
замершие ряды. У них в руках
чаши со святыми дарами, а над
ними будто белые лилии
раскрыты белые зонтики. Каждый
из них знает свое место.

Удивительно видеть этот
привычный для католиков
порядок. Стулья составляются
один на другой высокими
столбиками и причастники
(повторяю, их сотни тысяч), не
толкаясь и не торопясь подходят к
чашам.

Тень от обелиска, как стрелка
часов, дошла и до нашего ряда.
Обелиск — древнейший
памятник, привезенный сюда из
Гелиополя — свидетель гибели
первых мучеников... Именно на
этом месте во времена
императорского Рима простипался
цирк Нерона. Христиан бросали
как живое мясо голодным псам и
диким животным. Здесь сейчас
приносится бескровная жертва.

Стрелка часов по головам
молящихся указывает на портрет
святого. Он тоже претерпел
великие испытания, он
сораспинался Христу в
повседневной будничной жизни.
Папа скажет в проповеди о нем:
“Главное в основателе Opus Dei —
его любовь к Божьей воле.
Преданное исполнение Божьей
воли до крайних ее последствий
— вот верный знак святости. У
Господа есть замысел для каждого

человека; каждому он дает конкретную миссию на земле. Святой живет лишь для того, чтобы исполнить эту миссию, ему даже не приходит в голову жить и действовать за пределами замысла Божия.

Святой Хосемария был избран Богом для провозглашения всеобщего призыва к святости; для провозглашения того, что обычные занятия, составляющие ткань повседневной жизни — это путь к святости. Можно сказать, что Святой Хосемария — Святой повседневности. В самом деле, он был убежден, что для человека, глубоко верующего в Бога, любое событие его жизни — это повод к встрече с Богом, стимул к молитве. Когда мы смотрим на повседневную жизнь с этой точки зрения, мы открываем в ней величие, неведомое раньше. Мы

понимаем, что святость доступна всем людям”.

А вот слова самого Эскривы. Завтра, после мессы, ему посвященной, он возникнет здесь на экранах. Кинолента донесла до нас его встречи с разными аудиториями. Его спрашивают: “Как можно полюбить Иисуса?” — “Общаться с Ним в Слове и в Хлебе. Разговаривать с Ним весь день. Но когда Иисус приходит, с Ним приходит и крест. Болезнь, предательство — надо быть готовым к этому. Когда человек готов, это поднимает его, крест возносит”. Еще: “Что-то есть Божественное в повседневной жизни. Вы должны открыть это что-то...” Еще: “У меня очень много друзей среди не католиков...”

В их числе и мы — четверо из России. Да, да, всего четверо —

среди сотен тысяч, приехавших из 84-х стран...

Экуменический дух свойствен понтификату Папы Иоанна Павла II. Неожиданно для всех, как бесценный подарок к празднику, на подиуме появился Патриарх румынской православной церкви. Площадь взорвалась ликованием!!!

А эти кто, двое старииков?.. Судя по всему, местные, итальянцы. У них один слуховой аппарат, на двоих по одному наушнику. И бинокль, к которому прикладываются по очереди. Возле них постоянная дежурная. Она помогает им забраться на стулья, когда Папа, объезжая площадь, оказывается совсем близко. Смешно поддерживает их, неустойчивых, как былинки. Юная волонтерочка с экстравагантным колечком в носу.

По радио предупредили, что в машину Папы не разрешается бросать ни цветов, ни флагов, ни писем. По традиции к машине подносят младенцев. Папа благословляет их, некоторых целует. И вдруг — не удержали материнские руки — один падает прямо к нему на колени. Сокровенное, пищащее письмечко — из двадцать первого века.

Главный герой феллиниевского “Рима” — уличный грохот и рев сирен. Фильм старый, но “герой” не постарел и соответствует сегодняшнему дню. Может быть, улетучились выхлопные газы; как никак, а Европа уже давно заправляется газолином. Публика, сидящая за столиками кафе вплотную к мостовой, грохота не слышит, ибо такая же шумная и жестикулирующая. Отец Владимир Зелинский, живущий в провинциальном (в нашем,

конечно, понимании этого слова) городке, говорит, что Италия вся такая — шумная и стремительная. Автотрассы — ее кровеносная система, ее артерии и капилляры.

Связующую важность дорог хорошо понимал древний Рим. Прочные коммуникации Рима пережили тысячелетия потому, что строились мастерами по правилам инженерного искусства. По надежно пригнанным камням шли не только легионеры, но и консулы, законодатели права и порядка. А потом — вестники Слова Божия. Правовое сознание прокладывало путь апостолам и будущим христианским миссионерам. Хорошие дороги — это показатель не только технической цивилизации, но и реальной близости людей между собою, возможность понимать и договариваться друг с другом.

Разумеется, не могу я не вспомнить о состоянии дорог в России, перемену которого Пушкин предсказал лет через триста. Можем утешиться, большая часть этого срока уже миновала...

Давно я мечтал попасть на Аппиеву дорогу. “Королева дорог”, как ее называли в древности. Сюда, навстречу апостолу Павлу, узнику, вышли братья — христиане римской общины. Они ждали его на Аппиевой площади у Трех Гостиниц. Евангелист Лука пишет: “Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился” (Деян.28:15).

Отвлекусь еще на законопослушность древних римлян. Павел, избитый и обвиняемый толпой иудеев, потребовал суда в высшей инстанции, то есть в присутствии

Кесаря. Как римский гражданин он имел на это право. И сотник, верный закону, выполнил его требование. Павла под стражей из далекой провинции отправили в Рим, что стоило властям немалых средств и хлопот. А ведь могли бы — современный аргумент — и не тратиться...

На Аппиевой дороге апостол Петр встретил Христа, когда бежал из охваченного огнем Рима. А после встречи вернулся...

В третий день после канонизации Хосемарии Эскривы паломникам разрешался бесплатный проезд на городском транспорте. Как не воспользоваться. Но тут начались препятствия. Сначала мы вышли не на той станции метро, потом сели не на тот автобус, вернулись и ждали нужного автобуса более часа. И наконец, вот она, вот эти могучие не подвластные времени

булыжины. В полутора километрах отсюда, на месте встречи Петра с Христом, стоит храм. На туристической карте Рима его нет, но сотрудник катакомбного музея, что в начале дороги, показал нам направление. Древняя мостовая скоро кончилась, влилась в зеркально-гладкое шоссе — летящую, ревущую трассу. По обеим сторонам бетонная стена. Мы шли как по тоннелю, вжимаясь в стену, оглушенные и овеваемые горячим ветром.

Но оказалось, не одни мы такие отважные. Навстречу, гуськом, как на горной тропинке, две женщины. “Правильно ли мы идем к храму?” — задали мы вопрос по-английски. В ответ посыпались разноязычные слова, итальянские, английские и, как мне показалось, польские. Совершенно лишенные смысла,

но... пересыпанные знакомыми междометиями “ну, вот”... Мы знали, что храм, куда мы идем, принадлежит польской общине. “Кажется, они поляки”, — сказал я и спросил: “Are you from Poland?” “Да какие поляки, мы русские” — закричали женщины, обрадованные, что мы их, наконец, понимаем! — “Да вы не туда идете! Никакого там храма нет! И вообще там неинтересно!!! Хотите, мы вам завтра Рим покажем?!” Усомнившись в их решительном “неинтересно”, мы двинулись в том же направлении, тем более что стена стала понижаться и открылись зеленеющие просторы и скоро можно было ступить на обочину. А вот и храм Domine Quo Vadis. Внутри полумрак, тихо; трассу, как отрезало. Сидя на низких скамьях, поляки вполголоса молятся по Розарию. На полу камень, на котором якобы стоял

Христос, встретивший Своего ученика. Следы Его ступней отпечатались на камне и, возможно, кем-то когда-то выдолблены...

Как относиться к этой реликвии? Как к преданию. Для кого-то это важный аргумент, а для кого-то второстепенный, потому что вера опирается не только на предание.

Возвращались мы затемно. На автобусной остановке группа молодых бразильцев. Их вожатый, Мартин, разговорчивый и общительный, угостил нас мороженым... “О, русские! Мой зубной врач тоже русская. Очень хороший врач”.

И как завершение этого дня, еще одна встреча, мгновенная, но впечатляющая. В городе, возле метро, опершися на гранит, как Евгений Онегин, респектабельный господин

разговаривает по мобильному телефону: “Ну ты, блядь, если мне завтра бабки не выложишь...”
Окончания фразы я, несомый толпой, уже не рассыпал. Но кто ж из нас, русских, не знает ее окончания...

В городе в эти дни много изображений нового святого. Иконы разных размеров, портреты — в витринах магазинов, на шкатулках, на открытках, на брелоках (...)

Мощи Хосемарии в эти дни находились в храме св. Евгения. Откуда их снова должны перенести в Церковь Пресвятой Богородицы — Владычицы мира, где они и покоились доселе.

Я торопился на мессу, зная, что пускают в храм по билетам, а у меня билета нет. Но, думаю, как-нибудь попаду заранее. Однако желающих, безбилетных,

оказалось так много, что к храму невозможно было прорваться. Железных ограждений явно не хватало, полиция и волонтеры сдерживали напор. Особенно в дверях, которые закрывать не хотели, но и впускать уже не было никакой возможности. У нас в России так осаждают двери театра, пробиваясь на модный спектакль, мюзикл или на футбольный матч.

Вчера концерт, посвященный Эскрива. Исполнялись песни, которые он слышал в детстве. Народная и классическая музыка. Хор, скрипка, арфа, флейта, духовые инструменты. Дирижер — эксцентричный и остроумный. Он перемежал номера своими пояснительными заставками. Словом, жестом, пантомимой пояснял музыку. Выходило и остроумно, и к месту. Его изобразительные иллюстрации не

мешали музыке, а может быть даже обогащали ее. Дивное контральто. Колыбельная. Душа пела — чистая, глубокая душа... (...)

Две недели промелькнули, как этот пейзаж за окном. Человеку, вступившему в преклонный возраст, всё напоминает о быстротечности жизни, о неминуемом ее завершении... Но, как это сказано у Эскривы в одном из его афоризмов, которое я осмелился оправить в четверостишие

Смерть. Никуда от нее не уйдешь...

Но, если в служении миру

Был ты помощник Христа, — не умрешь.

Просто сменишь квартиру.

.....

pdf | document generated
automatically from [https://opusdei.org/
ru/article/zapiski-palomnika-
kontinent-119-2004/](https://opusdei.org/ru/article/zapiski-palomnika-kontinent-119-2004/) (02.02.2026)